

«Ладно, думает, поспорим мы с тобой; я тебе земли много дам. Землей тебя и возьму» [2, с. 68].

Так в чем же понимание жизни? А есть ли конечный ответ на этот вопрос? Каждый человек может вывести ответ только для себя. Для других ответа не будет – другой человек окажется глух к истине, пока сам не пройдет через искушение. Это мы наблюдаем в рассказе Толстого на примере жизни и смерти Пахома. Толстой показывает, что человек всю жизнь ищет ответ на вопрос «много ли надо?» и лишь в конце пути понимает, что все вернется на круги своя и *«все идёт в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах» [3, Еккл 3:20].*

Литература

1. Толкования священного писания. Евангелие от Матфея. Глава 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://bible.optina.ru/new:mf:06:start> (дата обращения: 13.05.2022).

2. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Том 25. Произведения 1880-х годов [Электронный ресурс]. М. : Рос. гос. бил., 2006. 925 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/355499> (дата обращения: 13.05.2022).

3. Экклезиаст на русском языке. Ветхий завет. Синодальный перевод [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Eccl.12&r> (дата обращения: 13.05.2022).

А.С. Калач

Самарский университет, Самара, Россия

Научный руководитель В.Н. Иванова

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ГЕРОЯ В РОМАНЕ «ПАРЦИФАЛЬ»

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки формирования независимой личности в литературе на примере конфликта с романной действительностью героя произведения Вольфрама фон Эшенбаха. Делается акцент на том, что необычной для рыцарского романа средневековой литературы является авторская критика стремления к абсолютному следованию неприменимым в реальной жизни принципам рыцарского кодекса. Новым является тождество разума и сердца, к которому, в результате преодоления духовного конфликта, приходит Парцифаль.

Ключевые слова: рыцарский роман, личность.

Роман «Парцифаль» представляет собой важное звено в эволюции сознания романного героя средневековой эйдической поэтики. Главный герой, сохранивший в себе фольклорные черты героя-шута, облачается в рыцарские латы и болезненно сталкивается с реальностью, неумело применяя к ней принципы рыцарства, разочаровываясь в них и ставя их под сомнение. В результате сложного конфликта нормы и морали Парцифаль проходит путь

самоузнавания и новым способом определяет основные координаты человеческой жизни. На примере данного романа можно проследить, как средневековая литература начинает формировать те художественные принципы, которые подталкивают к выходу за собственные границы эйдическую поэтику.

Для того, чтобы ясно видеть, как отходит анализируемый роман от продиктованного временем стандарта, рассмотрим положение самого автора, Вольфрама фон Эшенбаха (1170–1220 гг.), внутри его эпохи. Он был не имевшим наследства странствующим рыцарем и миннезингером на службе у знаменитого покровителя поэтов ландграфа Германа, поэтому было бы вполне логично ожидать полное принятие рыцарских принципов и соответствующей мировоззренческой системы, то есть строго определенных культурных идеалов: любви как служения, вассально-сюзеренных отношений, единого светско-религиозного духовного идеала. О.В. Мансков писал о том, что рыцарь должен был обладать мужеством, верностью и честью, а также «истинно рыцарскими добродетелями, по-старофранцузски называемыми «largesse» (условно «широта души») и «courtoisie» («куртуазность, изысканность, деликатность, утонченность»)» [5, с. 158]. Рыцарь литературный, в художественном пространстве средневекового романа, был уже более «этико-эстетической категорией» [3, с. 93], чем просто персонажем; символом эпохи, архетипом, сформированным синтезом христианских и военных устремлений, защитником сакральных ценностей веры, приобретающим бессмертие за подвиги во имя Бога, что сублимировалось в доблесть ради любви. Этот архетип мы видим в уже известных литературных именах Ивейна, Ланселота, Тристана, Брута или Хосрова.

Точно так же можно определить и особенности хронотопа и романного пространства у Эшенбаха в сравнении с ожидаемыми для подобного типа сюжета. Время в рыцарских романах обыкновенно авантюрно, разделено на эпизоды подвигов и испытаний; сказочно гиперболизировано – и в романе Парцифаль действительно реализуется субъективная игра временем, например, целое событие может стать небывшим (событие в Монсальвате); пространство искажено, все события есть результат вмешательства воли судьбы и случая, но воспринимаются не как что-то необыкновенное, а как стандарт реальности, поскольку сама реальность и рассчитана на мир случайных возможностей: «мир становится чудесным, а само чудесное становится обычным» [1, с. 81]. Внутри такого мира рыцарь, воспринимая это как единственную норму жизни и будучи с этим миром единым, становится бескорыстным авантюристом, жаждет приключений и стремится к выходу из обыденности. Сюжет всегда символичен, в нем сама игра семантики культурных символов превращена в «факт сюжета» [4, с. 328].

Рассмотрим, наконец, самого героя внутри установленного пространства рыцарского романа. Сюжет книг о Парцифале предваряет история жизни его отца, отважного рыцаря Гамурета, убитого в бою. Смерть мужа сделала несчастной жизнь Херцелойды, и, чтобы уберечь сына от подобной участи, она

решает воспитать его в хижине в лесу, в окружении слуг, которым запрещено упоминать слово «рыцарь». Чудесное происхождение Парцифалья, на первый взгляд полностью вписывающееся в чудесность семантики рыцарского романа, в первую очередь формирует одну из двух сторон его личности, которые позже создадут основные конфликты произведения. Будучи воспитанным вдалеке от города и людей, он учится жить не по законам общественным, а по законам нравственным, приобретает душевную простоту и естественность. Можно увидеть, как в архетипе персонажа сохраняются черты фольклорного дурака и шута именно благодаря абсолютному непониманию сути нормы и неумению ей соответствовать, что выражается достаточно однозначно и на текстовом уровне – например, в костюме шута, в который облачает Парцифалья Херцелойда, прежде чем выпустить из дома, он впервые должен будет явиться не только в город, то есть в общество, но и в замок короля Артура, то есть перед всем рыцарством. Другую сторону своей личности Парцифаль наследует благодаря героическому прошлому рода и отваге своего родителя: он приобретает, помимо основных рыцарских добродетелей, вроде верности, мужества и чести, классическую искреннюю жажду странствий и приключений. Далее одна за другой следуют сюжетные коллизии, обусловленные именно заданным противоречием и являющиеся не испытанием веры и доблести рыцаря, как это принято в классическом средневековом романе, а испытанием рыцарем основных столпов рыцарского мировоззрения: любви, доблести и религии как элементов усваиваемого кодекса. Надевает сверху на шутовской наряд доспехи Парцифаль единойжды, но на метафорическом уровне это происходит по ходу развития сюжета всей первой половины романа – каждый раз, когда он пытается применить в реальности принципы рыцарства. Так, по наставлению матери брать у девушки кольцо, если он ту полюбит, он забирает кольцо у спящей жены Орилуса, чем навлекает на нее обвинение в измене. Гораздо позже он встречает ее в лесу, изгнанную из дому, несчастную, в рубище. Чувствуя вину, Парцифаль разочаровывается в рыцарской любви. Помимо этого, в начале своего рыцарского пути Парцифаль принимает наставления от князя Гурнеманца о том, что рыцарю следует иметь честь и больше молчать, не задавая глупых вопросов. Следование этому нравоучению выливается в ключевую перипетию произведения: Парцифаль, находясь в замке Мунсальвеш и решая хранить достойное рыцарское молчание несмотря на все происходящие там чудеса, упускает возможность спасти короля Анфортаса, совершить подвиг и получить святой Грааль, поскольку именно вопроса от странствующего рыцаря требует древнее предсказание. Узнав о своей вине, он разочаровывается в самой сущности рыцарских принципов. Видя злодеяние в этом поступке, король Артур отказывает Парцифалью в возведении того в число рыцарей круглого стола, в результате чего герой теряет и веру в Бога. Можно утверждать, что весь романный мир в своем единстве представляет выражение кодекса, а Парцифаль оказывается героем из другого мира, и этот кодекс ему непонятен и совершенно в его

мире неприменим. Здесь Парцифаль становится едва ли не персонажем злой воли: кажущаяся для внешнего мира аморальная глупость в действительности является внеморальной, находящейся вне координат рыцарского кодекса современного ему мира.

Вторая половина произведения знаменуется следующим событием: в лесу Парцифаль встречает богомольца и исповедуется ему. В глубоком раскаянии он вновь обретает любовь к Богу и встает на путь духовного самосовершенствования. На сюжетном уровне это дает начало рыцарскому искуплению посредством совершения ряда доблестных подвигов. Результатом этого пути является получение святого Грааля с очевидным символическим значением высшего духовного знания. Проходя испытания, Парцифаль решает не руководствоваться однозначными нормами, а слушать свое честное сердце и поступать так, чтобы оставаться верным Богу. И только подобное преобразование миропонимания приводит героя к тождеству разума и сердца, рыцарской доблести и реализации простой человечности, что преодолевает предшествующее в средневековой литературе тождество любовь=слава. Важно отметить, что, несмотря на трансформацию эпического сюжета, так и не случается отказ от установленных ценностей, а приобретает знание истины – понимание правильного наложения на действительность рыцарской системы идеалов.

Таким образом, на примере Парцифалья Вольфрама мы видим, как с помощью нового прихода к тождественности из традиционной фигуры шута формируется изменяющийся герой. Становление его личности происходит через выход из рамок существующего вокруг него мира – в классическом, не отличающемся по внешней структуре сюжете средневекового рыцарского романа начинает зарождаться принципиально новый персонаж с чертами индивидуальной самостоятельности и поиска истин, который после будет перерождаться и развиваться в литературе от произведений Сервантеса до Шекспира. Итогом станет выход из эйдической поэтики с ее неавтономностью и неоспоримой устойчивостью мирокартины.

Литература

1. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
2. Болдаков И. М. Вольфрам фон Эшенбах [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Вольфрам_фон_Эшенбах (дата обращения: 28.06.2022).
3. Дружинина Е. С. Модификации архетипа героя в средневековой культуре // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. №3. С. 93–100.
4. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
5. Мансков О. В. Рыцарские идеалы и добродетели // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2012. №2. С. 156–159.